

Гоудань больше никуда не ходил. Он крутился у новой плиты, грея руки у огня и шумно втягивая носом воздух.

По избе разливался редкий, невыразимо прекрасный аромат — пахло каленым маслом и золотистыми шкварками. Для него это был лучший запах на свете.

Ван Сюань не гнал друга, позволяя дышать этим богатством сколько влезет, — всё равно под его бдительным присмотром стянуть что-то со сковороды Гоуданю бы не удалось. Новая печь, которую сложил Ли Сы, вышла высоковатой, так что Ван Сюаню приходилось вертеться с лопаткой, взобравшись на низкую скамеечку. Гоудань за последние полгода заметно вытянулся, ему бы подставка не понадобилась, но в кулинарных делах ему доверяли разве что подбрасывать дрова в топку.

В то предпраздничное обеденное время почти над каждой избой в деревне вился дымок с особым, сытным ароматом. И не нашлось бы человека, чьё сердце не радовалось бы этому запаху.

Наевшись досыта, Гоудань развалился на кане, блаженно поглаживая живот. Так плотно он не обедал последние года два. Во рту всё ещё стоял восхитительный вкус сочных пельменей, и мальчик думал, что запомнит этот день на всю жизнь.

Ли Сы же поднялся из-за стола полуголодным. Деваться некуда: муки тонкого помола удалось выменять совсем крохи, а сын рос как на дрожжах — уминал всё подчистую, хотя в работе от него толку пока было мало. Отец нажимал на пустой наваристый бульон, оставляя сытную гущу и сами пельмени ребенку. Летний урожай выдался неплохим, но кто же знал, что осень принесет сушь и недород? Почти все крохи хорошего зерна пришлось выменять на грубый ячмень да старые запасы, чтобы хоть как-то протянуть зиму. Сладкого картофеля, конечно, запасли, но хватит ли его до весны, даже если мешать с первой лебедой? Никто не знал, что принесет грядущий год.

Малышне-то что — была бы еда. Стоит родителям положить что-то в миску, как они тут же утыкаются в неё носом, шумно сопят и набивают щеки, не видя и не слыша ничего вокруг.

Но взрослым в деревне было не до детской беззаботности. Тревога тяжелым камнем легла на плечи крестьян. Засуха, начавшаяся еще в конце лета, не отпускала. Первая пороша едва прикрыла землю, снега навалило куда меньше, чем в урожайные годы. Если так пойдет и дальше, весной земля встретит пахарей сухой, потрескавшейся коркой.

Ли Сы так и не удалось избежать зимней повинности на строительстве водохранилища. С каждого двора требовали по сильному работнику. В их семье он был единственным мужчиной, к тому же в прошлом году ему дали поблажку. К счастью, старый староста вошел в положение и определил его на участок поближе к дому. Работа там была полегче, а главное — каждый вечер можно было возвращаться назад.

Ли Сы вздохнул с облегчением. В доме имелось всего одно ватное одеяло. Отправь его на

дальний объект, пришлось бы тащить постель с собой, иначе в палатках среди обледенелых холмов не выжить. Но тогда дети остались бы совсем без тепла. Одеяло их, хоть и сваялось, стало жестким и грело слабо, всё же укрывало от ночной стужи.

К самому уходу Ван Сюань успел закончить работу: подбил старую фуфайку Ли Сы изнутри теплыми шкурками с груди и спины. Гоудань строго-настрого наказал отцу не снимать одежду при чужих и никому не давать её лапать. Ли Сы за последние полгода окончательно перестал понимать своего сорванца — просто привык слушаться его во всем и лишних вопросов задавать не стал. Натянув обновленную куртку и подхватив мешок с сухим пайком, он пристроился к деревенской колонне.

Сердце у отца было не на месте, но долг звал. Напоследок он без конца твердил сыну, чтобы тот не смел соваться за околицу — голодной зимой зверье частенько спускается с гор в поисках добычи.

Наказав это Гоуданю, Ли Сы обернулся к Ван Сюаню и попросил его приглядывать за старшим. Немногословный, суровый мужик, чья забота обычно выражалась лишь в тяжелом труде, сейчас не мог смолчать.

Обняв огромного пса по кличке Дагуай, Гоудань провожал отца взглядом, пока тот не скрылся за пеленой поземки. С этого дня дом перешел в полное распоряжение двоих детей. На самом деле Ли Сы и раньше редко бывал дома: возвращался только поужинать да переночевать, а всё остальное время пропадал на полях.

Впрочем, на колхозных работах мало кто надрывался, если только не шла уборочная страда. Большинство мужиков откровенно валяли дурака, а при любой нужде легко отпрашивались у бригадира. Ли Сы же был упрям и честен до глупости. Просить поблажки он не умел и на работу выходил всегда, если только не сваливался с ног от лихорадки.

Он рассуждал просто: дома растет голодный рот, поработаешь на совесть — глядишь, сыну лишняя плошка каши перепадет. Про хитрости односельчан, вечно находивших предлоги, чтобы отлынивать, он прекрасно знал, но сам отлынивать не умел. Труд был его единственной опорой в жизни, и в одном Ли Сы был уверен твердо: никто в деревне Сикань не выполнит работу чище и справнее, чем он.

Время стояло тяжелое, все перебивались с хлеба на воду, но дело было вовсе не в лени. В таких условиях все жили одинаково скудно, и никто не смеялся над чужой нищетой — сами едва концы с концами сводили.

Зимой в старом родовом храме заезжая образованная молодежь устроила вечерние классы ликвидации безграмотности. Идти туда людей заставляла не столько тяга к знаниям, сколько скука и холод. Зачем жечь драгоценные дрова в каждом доме по отдельности? Куда разумнее принести по полену в общую кучу, растопить большую печь в храме и греться всем миром. Заодно можно было и посплетничать, и починить заношенное тряпье при свете керосинки.

На импровизированной сцене бледный, городской юноша-активист вяло выводил на доске крупные иероглифы. От его бывшего комсомольского задора и великих стремлений преобразить деревню не осталось и следа. Если в таком классе находился хоть один толковый ученик, это уже считалось чудом. Для учебы нужна была тишина, а когда вокруг все галдят и зевают, даже у самых прилежных опускаются руки.

Взрослым наука давалась со скрипом, да и мыслями они были далеко. Иероглиф, выученный вечером, улетучивался из головы к утру. И кого тут винить? Вернешься домой — там скотина не кормлена, дети орут, крыша течет. За ворохом повседневных забот не до грамоты.

Под ногами крутилась детвора, пришедшая со взрослыми просто побеситься. Малыши носились между скамьями, и усадить их за прописи было делом совершенно безнадежным.

Гоудань подпер щеку ладонью, уставившись в пустоту. Если бы не уговоры Ван Сюаня, твердившего, что грамота поможет разгадать тайны их Сокровища, он бы в жизнь сюда не пришел. Его интерес был чисто шкурным. То ли дело Ван Сюань — тот ловил каждое слово учителя. Гоудань списывал это на гены: у его друга городской отец был из образованных, а его собственный — простой пахарь от сохи. Так что нелюбовь к книжкам у него, можно сказать, потомственная.

Определенно, так оно и есть.

Ван Сюань старательно переносил иероглифы с доски в свою тетрадку, изредка косясь на друга. Не зная он Гоуданя как облупленного, мог бы подумать, что тот — второй по прилежности ученик в этом холодном классе. Ну а первым, само собой, был сам Ван Сюань.

Под бессвязное бормотание юного учителя и зычный бабий переруг время пролетало незаметно. Женщины умудрялись прямо во время урока пилить мужей или затевать ссоры с соседками, так что скучать не приходилось.

Гоудань откровенно изнывал от скуки, а вот Ван Сюань чувствовал себя превосходно. Здесь он порой сталкивался со своим дядей, Чэнь А-да. Тот никак не выказывал родства — смотрел сквозь племянника, точно на пустое место. Зато тетка, Ван Хэймэй, завидев сироту, тут же принималась громко плевать желчью, выкрикивая гадости в воздух, вроде как не обращая к нему напрямую. В отместку Гоудань подкарауливал её сыновей, Дафу и Сяофу, и вместе с Ван Сюанем задавал им хорошую трепку, пообещав спустить шкуру, если те пикнут дома хоть слово.

У этих трусов явно не хватало духу жаловаться родителям, потому что тетка скандалить не прибегала. Ван Сюань лишь усмехался про себя. Ему теперь верилось с трудом, что когда-то эти сопляки держали его в страхе.

Гоудань крутил в руках нож — иссиня-черный, невероятно острый. Зная он нужные слова, назвал бы его «разрубающим железо как масло». Это был изящный короткий кинжал, от которого любой мальчишка пришел бы в восторг. Он то и дело вытаскивал оружие, любуясь

хищным блеском лезвия и делая выпады в пустоту. Когда игра надоедала, он принимался толочь сухие травы для Ван Сюаня. Тот упорно, методом проб и ошибок, пытался составить мази по древним рецептам, оставленным Безымянным Настоятелем. Девять попыток из десяти заканчивались прахом, но Ван Сюань не сдавался.

— Какая разница? Трава она и есть трава, насыпал побольше — и готово.

Но Ван Сюань каждый раз сердито его обрывал, требуя точности до крупинки.

"Хватит ли этих запасов?"

Вещи в пространственном кармане Настоятеля были бесценными сокровищами, но мальчишки в силу возраста не понимали их истинной стоимости. Они лишь твердо помнили наказ покойного старца: никому не показывать добычу. Для них все эти древние свитки и редкие корни были куда менее полезны, чем миска жирной свинины или теплая зимняя куртка.

И все же польза от тайного учения потихоньку давала о себе знать. Гоудань замечал, что стал бегать быстрее прежнего, сил прибавилось, а чувства обострились настолько, что он мог расслышать шепот на другом конце улицы. Конечно, он допускал, что просто растет и крепнет, но в глубине души понимал: без магии Настоятеля тут не обошлось. К тому же отец всегда говорил ему:

— Учись всему, чему можешь, сынок, за плечами знания не носить.

— Что теперь варим? — спросил Гоудань, налегая на пестик.

— Средство от обморожения, — отозвался Ван Сюань, недоверчиво разглядывая синеватый порошок. — Только не знаю, выйдет ли толк.

Старый Настоятель передал им знания силой, запечатлев в памяти мальчишек целые трактаты, хотя у тех не было никакой базы для культивации. То, что Ван Сюаню удавалось составить хоть какие-то снадобья, граничило с чудом — его природный дар к целительству превосходил любые ожидания. Усидчивости Гоуданя на такое точно не хватило бы. В эту эпоху упадка духовных сил о полноценном пути бессмертных нечего было и думать, но Ван Сюань вполне мог стать великим лекарем среди смертных, чьи лекарства творили настоящие чудеса.

— У дяди Ли все руки и ноги в цыпках от мороза, — тихо добавил Ван Сюань.

Гоудань на секунду задумался, а потом его глаза загорелись:

— Слушай, а ведь на стройке сейчас все обмороженные ходят. Если бы мы могли продать... то есть выменять на что-нибудь...

— Нельзя, — покачал головой Ван Сюань. — За спекуляцию живо в Революционный комитет заберут. Да и кто поверит двум соплякам?

— И то верно, — вздохнул Гоудань. — Слушай, а ведь в коммунальной больнице старый доктор принимает, его вся округа уважает. Может, тебе к нему в ученики напроситься?

Ван Сюань задумался. Хоть знания Настоятеля и всплывали в его снах сами собой, многие вещи оставались за гранью его понимания. Мертвая память не ответит на вопросы и не объяснит ошибок. А живой учитель — совсем другое дело. Ему можно задать любой вопрос.

— Надо будет как-нибудь разузнать, — согласился Ван Сюань.

Гоудань сладко потянулся. Изба насквозь пропиталась горьким аптечным духом. Будь на месте Ли Сы другой отец, за подобное расточительство и «ведьминские штучки» мальчишкам бы не поздоровилось. Но Ли Сы относился к этому проще — для него это была лишь детская забава, вроде лепки куличиков из грязи. Пусть себе играют в докторов, лишь бы дом не спалили.

Помимо редкого трудолюбия, у Ли Сы была еще одна черта — великое терпение, которое многие в деревне считали блажью. Он никогда, ни при каких обстоятельствах не поднимал руку на сына. Даже когда Гоудань отчебучивал что-то совсем несусветное или доводил до белого каления свою ворчливую бабку, отец лишь мягко журил его. Ли Сы предпочитал молча кланяться соседям и просить прощения за проделки сына, но сам никогда не брался за ремень.

— Ладно, давай прибираться. Отец скоро вернется со смены.

Гоудань знал, что к Ван Сюаню отец относится строже, чем к нему самому. Большинство крестьян из вежливости спускали чужим детям любые шалости, нещадно лупя собственных, но Ли Сы был другим. Своего единственного сына он оберегал пуще зеницы ока, отдавая ему всю неизрасходованную нежность своей суровой души. Поздний ребенок, единственный наследник — Ли Сы готов был сдувать с него пылинки.

Для сорокалетнего нелюдимого вдовца этот мальчик был центром вселенной. То, что при такой слепой родительской любви Гоудань не вырос капризным барчуком, оставалось загадкой. Сверстники Ли Сы давно нянчили внуков, а он трясся над своим единственным сорванцом, стремясь дать ему всё тепло, на какое был способен.

Ван Сюань молча завязал мешочки с травами и один за другим отправил их в невидимое хранилище пространственного кармана. Закончив с уборкой, мальчики растопили печь, чтобы разогреть оставшийся с утра нехитрый обед.

Яркие отсветы пламени плясали на их юных лицах, наполняя маленькую зимнюю избу тихим, уютным теплом.

<http://bllate.org/book/19654/1996697>